

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

А. Г. Кислов

УНИВЕРСИТЕТ ЭПОХИ ПОСТАКАДЕМИЗМА: «ЗАКАТ»?

В статье рассмотрены тенденции развития университетского образования с учетом его академических традиций и новых экономических реалий.

В вузовском сообществе России продолжает расти тревога за перспективы отечественного высшего образования, которое все больше отходит от ориентиров, задаваемых образом классического университета, в качестве идеи, образца, пра-образа которого выступает «Храм Науки» – оазис академической жизни во имя Истины и трансляции ее будущим поколениям: «В миссии университета самое главное – его интеллектуальная автономность и общественная устремленность» [14]. При этом академизм – существеннейшее, интегральное свойство университетской жизни, всей сферы высшего образования, как оно единодушно понималось еще совсем недавно. Даже следование пресловутому принципу партийности в недавнем прошлом позволяло академической общественности (при известных компромиссах) служить не быстро преходящим «Указаниям», но Истине. Перестройка, деидеологизация, либерализация породили много светлых, слишком светлых – ослепляющих – надежд, несбыточность которых стала не сразу очевидна. Ситуация, в которой существует высшая школа сегодня, оценки феномена университета в последнее время сильно меняются, вызывают дискуссии. Обратимся к важнейшим академическим чертам университета и попытаемся оценить его перспективы в целом и в отношении каждой из них.

Отмечаемые ниже черты академизма определены не в строгом соответствии с логической дихотомией, а по принципу смысловой нюансировки, смыслового прибавления. Значение термина «академизм» восходит ко вполне конкретному историческому явлению – Академии, как именовалась гимназия древнегреческого философа Платона (428–346 гг. до рождения Христа) по названию местечка недалеко от Афин, где он преподавал свое учение. Название это дано было местечку либо в связи с именем рощи в честь героя Академа, либо по принадлежности его некоему Академу. Академиками стали называть сначала учеников Платона, а потом и всех его последователей. Поэтому по первому своему

значению слово «академический» является синонимом *платонизма*. Дальнейшие смысловые прибавления к слову не отменили эту исходную его связь с учением великого идеалиста. Так, роль и авторитет философии Платона добавили к смыслу слова «академический» значение «возвышенный», «высший», «истинный», «образцовый», «авторитетный», «идеальный».

Чаще всего это слово стали прибавлять к учебным заведениям, ориентирующимся на традиции гимназии Платона, на традиции его учеников. Среди них можно, таким образом, еще раз отметить авторитет сначала Платона, а потом и других мэтров – ученых-учителей, слово которых служило решающим аргументом в пользу истинности той или иной точки зрения. Известна в этой связи фраза одного из бывших академиков, отошедшего от некоторых положений Платона, а именно Аристотеля, сказавшего: «Платон мне друг, но истина дороже!». Вошедши в академическую традицию как второй (а иногда и первый) авторитет, Аристотель привнес тем самым в нее *право на возражение – даже авторитету – во имя истины, и обязательно – аргументированное*. Теории аргументации Аристотель посвятил, кстати, немало своих размышлений.

Аргументация, тем более противопоставляемая авторитету, может появиться лишь у добросовестного самостоятельного исследователя, так что *принцип исследовательской свободы* становится неотъемлемым от академических традиций. Свобода же исследований и аргументированной публикации их результатов находит необходимое продолжение в *свободном характере преподавания* со стороны учителя (потом – профессора), которое нужно понимать не столько как свободу для обучающихся (особенно в посещении занятий), сколько как *отсутствие бюрократической опеки* преподавателей со стороны блюдущих букву нормативов инспекторов и администраторов. Мера *свободы учения* должна напрямую зависеть от успехов учеников. Успехи же возможно предъявлять строгому суду академической общественности только системой гарантий их публикации. Так что уже упоминавшаяся публичность (выступления устные и письменные, защиты, диспуты, конференции и т. д.) является тем более важным, обязательным признаком академичности.

Итак, академическим можно назвать образование, опирающееся на авторитет ученых-учителей, допускающих и даже поощряющих самостоятельную познавательную активность обучающихся, имеющих гарантированную возможность широкой и регулярной публикации своих достижений, соображений и даже сомнений, предъявляемых не голословно, а в сопровождении принимаемой академическим сообществом аргументации.

Наличие академического сообщества – весьма важный фактор, обеспечивающий существование, трансляцию, воспроизводство академических традиций. В Средние века произошла институционализация этих сообществ

в университеты, которые и теперь рассматриваются как важнейшие субъекты академической жизни. Подлинный же субъект всегда автономен, поэтому вместе с университетами возникли тема их автономии как условия обеспечения непрерывности академических традиций, автономии, ставшей традиционным идеалом университета, и тема академической свободы членов университетского сообщества, прежде всего, профессоров. С академической свободой и сегодня связаны надежды на будущее университета: «Именно усилиями такого рода сообществ... удастся преодолеть тот рабский непрофессионализм, который господствует практически во всех сферах подконтрольной государству жизни» [15].

Проблематика академической свободы давно нуждалась в систематическом научном освещении российскому читателю, не обремененному проблемой «идеального» вуза. Даже получив в 1996 г. выражение (перекочевав из международных документов) в ст. 3 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (а в некоторых своих аспектах еще в Законе РФ «Об образовании» 1992 г.), академическая свобода «не зазвучала»: о ней мало пишут и практически не вспоминают в условиях реальной вузовской жизни. Не вспоминают даже (и особенно!) юристы, а это уже симптоматично.

Наконец, в свет вышла монография, в которой представлена развернутая ретроспектива возникновения и вариантов реализации этого фундаментального принципа существования университетов, дан анализ его концептуальных обоснований рядом виднейших мыслителей, охарактеризованы общее и особенное в его нормативно-правовом закреплении в различных странах мира, в том числе в современной России [2]. Интерес автора монографии сосредоточен главным образом на дальнейших перспективах оформления и юридического закрепления принципа академической свободы, а короткие, большей частью горькие замечания о его реализации в сегодняшних российских вузах оставляют значительное пространство для продолжения разговора.

Немаловажным вопросом в осмыслении прошлого и будущего университетов, высшей школы является ее финансово-экономическая база. Сама университетская автономия возникла в своеобразном зазоре, образовавшемся в результате перманентного и неравновесного столкновения трех основных политических сил Средневековья: крепнущих королевств (ставших затем национальными государствами), католической церкви (обремененной нерешаемым вопросом о том, чего в ее природе больше – небесного или земного, но зато обеспечившей транснациональный характер европейской науки) и городов (определивших, в конце концов, новоевропейский тип цивилизации). Финансовым источником университетской автономии стали, прежде всего, пожертвования, дары, привилегии, предоставляемые в разные времена и в разной степени все-

ми тремя главными политическими (и экономическими) силами, к которым присоединялись меценаты и только иногда сами студенты. Так, решающим условием университетской автономии была непосредственная *необремененность* каждодневными поисками источников существования.

Власть в университетах принадлежала не хозяйственникам, а выдвиженцам академического сообщества, прежде всего – ученым-мэтрам (по крайней мере, такова была доминирующая тенденция). И именно университетская автономия делала возможными различные академические свободы. С большими или меньшими искажениями в разные периоды своей истории принципы университетской автономии и академической свободы воплотились и в российских университетах, пока ими по-свойски не распорядились пришедшие к власти большевики. Но и сегодня многие полагают, что идеальный и потому «автономный университет находится – по принципу – *за пределами* государства (именно это должно быть четко и однозначно закреплено в статусе Нового Университета), т. е. вне органов государственной власти и управления, поэтому он не нуждается ни в чьей оценке: ни в государственной, ни в общественной. Он сам предназначен для порождения и перепроектирования и государства, и общественных систем. И последние не смеют ему отказывать в проведении этой деятельности» [12].

Вот еще одно подобное мнение: «Фундаментальное знание, академические исследования, бескорыстный научный поиск – все это в конечном счете формирует культурную идентичность университета как общественного института, приоритетно *не ориентированного* на производство пользы ни в каком ее виде.

Знание, производимое и репродуцируемое современным университетом, не может стать подвластным государству, гражданскому обществу или капиталу. «Упражнения разума», практикуемые в его стенах, как справедливо утверждал Жак Деррида, не признают никакого другого авторитета, кроме принципа разумного основания [3, с. 186]. В этом смысле исконная ответственность университета – в сохранении и развитии *чистого академизма*. В том, чтобы не дать возможность прикладному разуму найти пути подчинения себе «чистого» знания, экспроприировать его и реинвестировать по разным университетским программам [3, с. 194]. И если это так, то упаковывание универсального знания средствами современного (при этом всегда национального!) языка – его главная и исконная цель.

Все остальные виды корпоративной ответственности университета – его добрая воля и желание. Университет вправе более или менее активно инсталлироваться в местную жизнь города, вправе выполнять другие виды «общественно значимой» работы, вправе частично коммерциализоваться, но все это... факультативно и не может выступать критериями его общественной оценки. Университет противостоит нелегитимной власти и компромиссам

в политике выполнением своей исконной миссии – *легитимным знанием и бескомпромиссностью интеллектуальной позиции*» [14].

Таков должен быть идеальный (соответствующий в гегелевском смысле своему понятию, идее – по Платону) классический университет. Кому должен (если не «государству, гражданскому обществу или капиталу»), мы обсуждать не намерены, а о несовпадении идеального с реальным позволим себе напомнить: таких университетов никогда реально не было! В. А. Проскурин потому и грезит не о реставрации классического университета, а о Новом Университете. Даже созданный В. Гумбольдтом «идеальный» Берлинский университет не был идеальным. Воображаемую версию такого университета можно видеть в Касталии из «Игры в бисер» Г. Гессе, который своим романом убедительно показал безнадежный разрыв идеального и реального.

Между тем современный университет стал сильно отличаться от своих исторических предшественников, и тем более от того, чем они стремились быть, от идеала, на который они ориентировались. Современный университет стал приближаться к совсем иному пра-образу, а именно, позволительно будет сказать, к конторе, занимающейся сравнительно честными способами, как научил Остап Бендер наиболее предприимчивых представителей бывшей советской интеллигенции, отъема денег у студентов (их родителей, благотворителей и т. д.). Или, как более деликатно выражается Н. Е. Покровский, «сегодня мы повсеместно наблюдаем процесс превращения университета из храма науки в *market place*, торговую площадку, в экономическую «корпорацию по продаже знаний» [10, 11]. Сегодня вузы, точнее, их руководство, самозабвенно заняты финансовым выживанием, а профессура (преподавательский корпус) выступает главным инструментом в этом, будем откровенны, не самом академическом деле, в связи с чем в профессорско-преподавательской, особенно ветеранской, среде растет популярность версии «руинизации классического университета» [16]. Так, в условиях конкуренции, низкой платежеспособности населения, как следствие – невозможности установления высокой цены на образование современному отечественному вузу важно заполучить больше студентов, а значит, и преподавателей, которым при высокой учебной нагрузке уже практически некогда заниматься научными изысканиями (дай бог сил на требуемую имитацию!), а многие нынешние вузовские преподаватели эти изыскания и на зуб не пробовали.

«В Болгарии ситуация складывалась сходным образом: внезапное увеличение... числа студентов при постоянном и стареющем составе преподавателей; снижение государственных субсидий, выделяемых на образование и особенно на исследования, в результате – ненужное коммерциализированное разрастание университетов в многочисленные провинциальные филиалы. При организации последних не были учтены ни возможности истощенной матери-

альной базы (нищие библиотеки, бедные лаборатории и пр.), ни кризисная демографическая ситуация. Еще более болезненным было отсутствие стратегического университетского менеджмента, который мог бы осуществлять разумное планирование и информационную политику, еще более угнетающим – непрозрачность финансовых операций, проводимых ректорами и финансовыми отделами, а также отсутствие потенциала приспособляемости к динамично меняющимся требованиям рынка. На фоне данного институционального кризиса внутриакадемические проблемы: утечка мозгов, провинциализация и неравномерный прием по определенным специальностям (согласно статистическим данным 1997 г., уже тогда училось 60 тыс. экономистов и 16 тыс. юристов!) – выглядели незначительными и оставались на заднем плане. Наиболее тяжким следствием всего вышеупомянутого единодушно признавалось снижение качества образования и демотивация студентов по отношению к учебному процессу...

Экспертные рецепты здесь, как правило, сводились к двум основным положениям – предлагалась или новая государственная централизация, ограничительная государственная политика и административный контроль, или гибкие модели, базирующиеся на гражданском обществе, диверсификации, конкуренции и рынке. Очевидно, что нормальная демократическая реакция выступила бы в защиту второго воззрения.

Однако... и в одном, и в другом случае речь шла об опыте контролирования болгарского университета извне... Все принимали как очевидное, что болгарские университеты должны быть направляемы и управляемы с точки зрения экономического, государственно-политического или общественного интереса. На этом фоне гумбольдтовская идея о том, что университеты должны оставаться автономными ради свободы истины, единства наук, взаимосвязанности исследования и преподавания, образования и просвещения, даже будучи произнесенной кем-либо, прозвучала бы для лиц, вовлеченных в дискуссию, как нелепица. Подобно восточноевропейским, болгарские попытки разрешения кризиса и публичная риторика дискуссий оказались странным образом нечувствительными к тому, что Ф. Шлейермахер полагал как норму автономии...

Почему же восточноевропейская публичность, при всей своей неоконсервативной реставрационности по отношению к ценностям западной демократии, оказалась одинаково нечувствительной... к традиционным основаниям университета?..

Если попытаться сравнить болгарскую ситуацию не горизонтально – с восточноевропейской, а вертикально – с собственной историей болгарского университета, то можно было бы отважиться на следующее утверждение.

Возможно, что причина... довольна проста – не может быть реставрировано то, чего никогда не было» [7].

Но и в Западной Европе существовал скорее идеал, чем реальность, правда, идеал общепринятый, бесспорный – до недавнего времени. Так что говорить приходится не столько о реставрации классического университета, сколько о реставрации *идеи* классического, академического университета.

Реальные же современные вузы, в том числе университеты, окончательно перестали быть социальными институтами, занятыми по преимуществу академической деятельностью. Закономерно, что в современных российских вузах доминирующее положение все чаще получают хозяйственники, менеджеры, близко знакомые с реалиями рыночной прохиндиады. «Проблема финансирования и построения бюджета становится главным рычагом управления всей структурой университетов, что ведет к выдвиганию на передний план управляющего персонала, как следствие – ослаблению роли ученого совета. Ректор приобретает статус топ-менеджера производственной корпорации, в то время как студенты все чаще оказываются в роли ее постоянных «клиентов» [13]. «В государственных или даже частных учреждениях высшего образования социальные позиции менеджмента настолько укрепились, что теперь именно от их мифотворчества и символического конструирования внутренних идентичностей зависит внешняя траектория университета – и как компонента внешней среды постсовременного города, и как части единого мирового рынка образовательных услуг.

При этом университетский менеджмент все в большей степени опирается на сообщество «школяров», от жизненных траекторий которых зависит репутация их *alma mater*, спонсорские пожертвования выпускников и многое другое, на базе чего формируются долгосрочный символический капитал постсовременного университета и его мифотворчество. Ближние выгоды порой мешают ему перспективно развиваться. Отсюда следует, что, говоря об университетской корпорации, мы все в большей степени имеем в виду *долгосрочный двухсторонний союз менеджмента и школяров* – нынешних и прошлых.

Все меньше в этом союзе места для университетских академиков. Академический корпус постсовременного университета неустойчив, преподаватели сегодня в гораздо большей степени, чем даже вчера, перемещаются в межуниверситетском пространстве, связывают свои профессиональные судьбы с множеством институций, фирм и компаний, совмещают преподавательскую работу в разных университетах и, тем самым, оказываются менее привязанными к стенам какого-то одного учреждения. Они далеко не всегда разделяют всю полноту ответственности за символическую репутацию и даже культурно-политическую идентичность своего университета. В том нет их вины, такими делает их время, гибкая морфология и социальная мобильность «академиков». Они, скорее, готовы брать на себя ответственность за Университет с большой буквы, то есть за некий воображаемый глобальный университет, за собира-

тельность его имиджа и его макроинституциональное будущее. Их помыслы – в «обществе знаний», как принято сегодня именовать наше информационное общество, а не в поддержании локальных и региональных традиций старых и новых университетов... эстафета университетской ответственности переходит преимущественно к союзу менеджмента и школяров» [14]. Потому «дух менеджериализма пронизывает все звенья высшего образования. С одной стороны, это приводит к большим потерям в областях знания, не имеющего прямой рыночной оборачиваемости. А с другой – академические круги университетов, как кажется, воспринимают новое положение дел как данность, которую нельзя изменить, но в которой можно попытаться найти свою интеллектуальную нишу» [10]. Заметим, что упомянутым «академическим кругам университетов» не откажешь в трезвости ума: реалии оказываются значимее грез об идеальном университете.

Академической деятельностью в современном вузе, действительно, заняты в лучшем случае отдельные (все более «отдельные», редкие) его подразделения – по инерции и в силу присутствия в них преподавателей-ученых. И большей частью к науке имеют отношение именно отдельные и немногие вузовские работники, институциональная принадлежность к конкретному вузу которых совершенно безразлична, прежде всего, содержанию их научной деятельности. Благо, современные средства коммуникации позволяют им состоять в общении с коллегами по всему миру – вот и искомая «ниша» [4, 5, 8]: «В условиях единого и глобального информационного пространства роль “хранителя” знаний как будто бы выходит за пределы стен любого конкретного университета, располагаясь, скорее, в виртуальном пространстве, в том числе и в поле интернет-коммуникаций (*e-Ducation*)» [14].

Получается, что сегодня мы имеем дело с деинституционализацией академической жизни. В вузах она стала явной (мы не имеем в виду бюрократическую отчетность «по науке»), в научно-исследовательских учреждениях – не столь явной, хотя и там начальству интересны результаты, имеющие отношение только к госбюджетной или хоздоговорной («высочайше» утвержденной) теме. Состояние дел с академической жизнью уже сильно заботит даже российское государство, которое ищет способы дифференцировать вузы (по сути, на настоящие и бог весть какие) и реформировать РАН и иные академии и входящие в них учреждения, поддержать трудящихся, имеющих ученые степени, материально и т. д. Правда, с вузами дело осложняется тем, что, кроме научной эффективности, вузы должны демонстрировать *высокое качество образования*. Оно тоже входит в понятие академической жизни, сильно зависит от научно-исследовательской составляющей, но все же с ней не совпадает.

Качество образования – это загадка, у которой слишком много отгадок, чтобы поверить хотя бы одной. Похоже, государство скоро решится-таки вый-

ти из замкнутого круга, заданного одновременными ориентациями на качество профессионального образования как производное и от профессиональной функциональности выпускника, и от запросов абитуриента, приносящего деньги в систему образования. «Приведем только один пример возможной альтернативы. Логике функций и логике запросов противостоит логика шансов. Качественным в ней признается то образование, которое повышает жизненные шансы выпускников, способствует их социальной мобильности. Таким образом, материалом для исследования становятся не экспертные оценки специалистов и не мнения самих участников образовательного процесса, а жизненные траектории, проходящие через каналы получения образования и обретающие в них свое направление. То, как образование влияет на судьбу выпускника, – основной критерий его качественности» [1]. Заметим, у этого критерия нет прямой зависимости от степени академичности образования. Как вспоминал Х. Ортега-и-Гассет об ориентированных на гумбольдтианскую академическую свободу немецких университетах: «Так случилось со мной во время учебной стажировки в Германии: я жил бок о бок со многими самыми значительными людьми науки той эпохи, однако не встретил ни одного хорошего учителя. И мне будут говорить, что немецкий университет как учреждение является образцом?!» [9].

«Нередко оказывается, что профессиональный успех выпускников – как бы он ни определялся – не зависит напрямую от того, насколько доброкачественным было преподавание (иногда можно говорить даже об обратной зависимости)... Следует упомянуть и о том, что непосредственной причиной карьерного и профессионального успеха часто являются личные связи... масштабы явления как назло превышают все мыслимые лимиты «исключений»... По-видимому, есть только одна институциональная форма университета, логика которой гармонично вмещает эти «неудобные факты». Это корпоративный университет. Ведь личные связи – это один из видов функциональных взаимозависимостей, лежащих в его основе» [6].

И более того, положи руку на сердце: *«университет не обучает профессии... даже в условиях образовательного госплана вести «грамотную» и корректную кадровую политику для постсовременного общества практически никому не удалось. Циркуляция профессиональных кадров, разумеется, в принципе невозможна без образовательного фактора, но и переоценивать его роль также не следует. Университетское образование – лишь информационный старт в жизни потенциально возможного профессионала, освоение же навыков профессии, проникновение ее «духом» и корпоративной этикой происходит всегда за пределами университетских стен... Но! Научить профессии уже не может ни одна корпорация в отдельности. Ибо профессия – это, скорее, уже не результат образовательных технологий (в красивой и удобной для рыночно-*

го потребления упаковке), а длительный – и, может быть, бесконечный – информационно-интеллектуальный процесс. Кроме того, профессия, основываясь на фундаментальности знания, ценностях и правилах цеховой культуры, становится сегодня одновременно и «делом», а точнее – предпринимательством в достаточно широком смысле слова. Профессиональные услуги в «сервильном», постиндустриальном обществе предлагаются на высококонкурентном рынке и «проталкиваются» по всем законам современного маркетинга и бизнеса. И на сегодняшнем рынке профессиональных услуг эта «оборотная» сторона профессии становится не менее (если не более) востребованной, чем глубокая информационная и академическая фундированность профессионала.

Кроме того, рыночный спрос на профессии и профессиональные услуги меняется с громадным ускорением, и, естественно, ни одному университету не угнаться за сменой этой конъюнктуры... Университет и в прошлом своем никогда не стремился к обучению профессии. Он лишь ловко играл с этим корпоративным имиджем, систематически пользуясь им как весьма эффективным социальным ресурсом, особенно в тех случаях, когда вступал в торг с государством. На самом же деле современный университет на протяжении последних двух столетий предлагал человеку совершенно иное.

Университет обучает человека частному использованию своего автономного разума», что возможно только в условиях академической свободы [14]. Но стремление к реализации традиционного университетского принципа академической свободы в вузах сегодня упирается уже в непреодолимое препятствие: исчезает институционализированный ее носитель, субъект, каким был пусть относительно, но автономный университет как феномен средневековой и новоевропейской культуры. Университеты стали или становятся чем-то иным: «Университеты, сохранив сегодня внешне классические формы институциональной идентичности, по сути, утратили в постсовременном мире свою прошлую субъектность. Кто сегодня выступает полноценным носителем университетского духа? Однозначного ответа нет! И, наверное, не может быть» [14]. Стихийным же, внеинституциональным носителем академических традиций и занятий остается неорганизованный чудак-энтузиаст, который будет заниматься своей наукой и без высочайше дарованной ему академической свободы или найдет себе применение за рубежом или путем «внутренней эмиграции».

Но быстро, со всей административной прытью навести в современных вузах «порядок», оставив только способные воспользоваться академической свободой, то как быть с массовым спросом на высшее образование? Куда направить энергию молодых людей, тешащих себя надеждой реализовать в жизни с помощью высшего образования? И как отказать от денег, которые эти обнадеженные приносят, в том числе и государству, и особенно тем, кто его персо-

нифицирует? Конечно, никак! Значит, оставим право на фактически всеобщее высшее образование. Значит, будем до одури бороться за его качество. Значит, будем имитировать науку и подторговывать «прикладухой». Значит, современная академическая свобода есть свобода от академичности у вузов + академичность без свободы у вузовских ученых, пока они не перевелись.

Таковы перспективы, а точнее, уже реалии высшей школы в условиях рынка, в обществе, не желающем жертвовать на ее автономное существование. Поэтому «пиар и паблисити заменили в публичном пространстве университетские квалификации и титулы, формировавшие ранее авторитетность знания и его носителей. Университеты, привыкшие, может быть, в прошлом соревноваться друг с другом за престиж и репутацию, но абсолютно не располагающие опытом конкуренции с другими институтами и организациями, вынуждены действовать по «новым» правилам игры, проталкивая собственные интересы на рынке, и в результате – адаптироваться к реальности, сформированной не ими, а их общественными конкурентами» [14].

Но с точки зрения сторонников идеального университета, вопреки всему, он «должен быть автономным и открытым в своем устройстве... Это, в свою очередь, означает, что свободными должны быть сами строители... университета; свободными, прежде всего, в организации и содержательном наполнении своего труда, который только в таком случае становится осмысленным... Университет – это определенное пространство свободы, и одна из его центральных задач – трансляция опыта свободы самореализации, выбора профессии, отстаивания профессионализма. Если такая свобода поставлена под вопрос, то под вопрос ставится само существование университета; если же такая ценность вообще не принимается университетом во внимание – университет вряд ли достоин звания университета» [15]. Получается, в современном обществе, не желающем оплатить автономии (свободу) университета, последний неизбежно деградирует, и именно через его деакадемизацию.

Но не будем торопиться с приговором.

(Окончание следует)

Литература

1. Вахштайн В., Куракин Дм. Чему равно качество? Индустрия аргументов // Платное образование. – 2005. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.platobraz.ru/text05/nomer5kachvo.shtml>.
2. Волосникова Л. М. Академическая свобода: генезис, юстификация, конституционализация. – М., 2006.
3. Деррида Ж. Университет глазами его питомцев // Отечественные записки. – 2003. – № 6 (15). – С. 186.

4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. – Екатеринбург, 2004.
5. Коллинз Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск, 2002.
6. Куракин Дм., Филиппов А. Возможность корпорации: к социологическому описанию университета // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 4–5 (48–49). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/ku23-pr.html>.
7. Кьюсев А. Университет между фактами и нормами // Отечественные записки. – 2002. – № 2 (3). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=3&article=172>.
8. Мыслящая Россия: Картография современных интеллектуальных направлений. – М., 2006.
9. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета // Отечественные записки. – 2002. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/hos.html>.
10. Покровский Н. Е. Корпоративный университет: утопия, антиутопия или реальность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.futurisrael.org/RuJ/NewEd.htm>;
11. Покровский Н. Е. Побочный продукт глобализации: университеты перед лицом радикальных изменений // Общественные науки и современность. – 2005. – № 4. – С. 148–154.
12. Проскурин В. А. Заметки к автономизации университета // ПРОЕКТ FUTURE ISRAEL [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://edu.futurisrael.org/ProskAutUniver.htm>.
13. Разинов Ю. А. Идея университета и топос мысли... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ssu.samara.ru/~vestnik/gum/2006/web51/rcn/2006510601.pdf>
14. Согомонов А. Корпоративная ответственность постсовременного университета // Неприкосновенный запас. – 2006. – № 4–5 (48–49). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/48/ku23-pr.html>.
15. Шпарага О. Политическая топография Беларуси: солидарность, сообщества, университет // Топос. – 2005. – № 1 (10) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ehu-international.org/topos/zine/2005/1/shparaga.htm>.
16. Bill Readings The University in Ruins. Cambridge, MA: Harvard U. P., 1998.